

С того памятного дня, когда Ольга Владимировна, пугала нас пистолетом, прострелив для острястки колеса Надиной "нивы", прошло полтора месяца. За это время зима окончательно пришла в наши края и замела белым пушистым снегом, затерянную в орловских лесах, небольшую деревеньку по самые крыши. К нам было не пройти не проехать, что было с одной стороны хорошо, мы жили на даче нашей атаманши, как Робинзоны на острове. А всем необходимым нас снабжала Ольга Владимировна, доблестная начальница, "УБОП" пересела со своей белой "нивы" на снегоход, мотосани "ямаха", единственное средство передвижения позволявшее проехать из Малоархангельска в деревню где находилась её дача. Дороги в от трассы в глухую деревню никто не чистил, по причине полного отсутствия в ней жителей, ну а про нас никто не знал. За исключением Ольгина родственника участкового, у которого майорша и оставляла свою "ямуху", не ехать же ей, на снегоходе прямо из Орла? До Малоархангельска Ольга, доехала на "ниве" а затем пересаживалась на снегоход и везла нам продукты и все необходимое в быту. Приезжала майорша вся раскрасневшаяся от мороза и быстрой езды на снегоходе и отдав Наде сумки с продуктами, катала меня на своей "ямахе" по окрестностям.

Если на машине Ольга не лихачила, то на снегоходе отрывалась по полной, давая своему железному японскому "зверю", полную свободу действий. И мне было порой страшно сидеть позади неё, несясь по снежному полю со скоростью в 100 километров в час.

— Не бойся милый, я люблю скорость...

— Ольга озорно смотрела на меня повернув голову и лихо делала виражи на снегоходе промеж деревьев, носясь на нём по заснеженному лесу.

— Я не боюсь любимая, но будь осторожней дорогая...

— отвечал я майорше, всякий раз прощаясь с жизнью, когда "безбашенная" начальница УБОП, пролетала на скорости на своем снегоходе, буквально в двадцати сантиметрах от ствола дуба или березы. А потом наездившись вдоволь по окрестным полям и лесам, мы возвращались с ней в деревню и она отдавала чудо японской инженерно – технической мысли, в руки моей матери. Надя гоняла на снегоходе так же лихо как и наша атаманша, а Пашка сидя у нее за спиной, клял последними словами Надиных дальних родственников молдавских цыган, которые наделили его гражданскую жену, бесстрашием и отвагой. Ну а мы с Ольгой на час в отсутствие "молодых" Нади и Пашки, любили друг друга на широком диван – кровати в маленьком но таком уютном домике, на краю заброшенной деревни.

Все шло своим чередом, после первого удачного грабежа, совершенного нашей шайкой в пригороде Орла, последовали ещё серии налетов на дома и коттеджи по наводке начальницы

отдела по борьбе с оргпреступностью. Ольга знала где можно было поживиться в отсутствие хозяев, так как все налеты мы совершали на дома, людей не ладивших с законом и находившихся в оперативной разработке её отдела. К моей радости нам больше не приходилось применять оружие и кого – то избивать, чтобы напугать и получить деньги и ценности как в случае с Верой. Мы грабили дома когда в них никого не было, но наш " улов" не превышал обычно 100 тысяч и наша атаманша злилась, когда мы мало приносili ей денег и других ценностей. А вскоре Ольга велела нам лечь " на дно", заявив что больше мы не будем " работать" по мелочи и что нас всех ждет одно большое дело, после которого наша банда прекратит свое существование и она даст всем участникам шайки " вольную". Но что за дело нам предстояло сделать, майорша не говорила даже мне своему любовнику и будущему мужу.

Как приказала нам наша атаманша в погонах, мы затаились на её даче в глухой заброшенной деревне и ждали своего часа, когда нам поступит приказ идти на решающие в нашей судьбе " дело". Но вскоре произошло событие которое заставило нас поверить в потусторонние силы. Зимой в деревне только одно развлечение это телевизор, больше не чем было заняться, но телевизор смотрела Надя, а нам с Пашкой бестолковые любовные сериалы были неинтересны. И мы с ним нашли себе занятие в виде рыбной ловли, по моей просьбе Ольга привезла нам из Орла, рыболовные снасти для зимней рыбалки и целыми днями я с другом пропадал на речке. И в тот день мы пошли с Пашкой с утра на реку ловить рыбу а Надя осталась дома. Моя мать больше не боялась оставаться одна в деревне, так как за все время что мы тут жили к нам никто не приходил. Да и Надя постоянно была при оружии, я отдал ей Ольгин подарок, итальянский пистолет " беретта" и моя мать с ним не расставалась, даже спать ложилась с пистолетом, держа его под подушкой.

По этому мы спокойно ушли с её гражданским мужем на речку, где провели три часа на морозе, наловив с пару десятков окуней и ершей на уху и проголодавшись пошли домой. Где нас по идеи должен был ждать горячий суп с тушеникой и котлеты. Но вместо супа в доме на столе стояла пустая кастрюля а Надя сидела на стуле встревоженная со " шмайссером" на коленях.

– – Мам, что случилось и почему ты суп не сварила?

– спросил я у Нади не понимая что с ней произошло и почему она вдруг вытащила немецкий автомат из под дивана?

– – Да какой суп сынок! Не до супа было, меня дед один напугал до смерти...

– ответила мне моя мать, крепко прижимая к себе автомат времен ВОВ. Даже с нашим приходом Надя не успокоилась и все еще была напугана.

– – Какой такой дед? И откуда он тут взялся? Возле дома только наши с Пашкой следы, как мы на речку шли и по ним назад пришли. Мам ты ничего не путаешь?

— спросил я у матери, не понимая её беспокойства, ведь кроме меня и её гражданского мужа, никто к дому не подходил. Потому что накануне ночью выпал снег и на нем отчетливо было видно все следы обитателей леса. Обычно к нам лисы и зайцы повадились ходить, зайцы грызли яблони в саду а лисы подбирали обедки со стола, которые Надя выбрасывала на улицу возле сарая. Так и сейчас к дому вели лисьи тропки и прыгучие заячий следы на трех лапах. Других следов на снегу не было.

— — Да не путаю я ничего, Паш сходи на терраску, принеси водки. Меня трясет всю, выпить хочу...

— попросила Надя своего гражданского мужа и тот пошел за водкой в сени, а его жена закурила сигарету и продолжила свой рассказ, причем руки у матери тряслись когда она прикуривала от моей зажигалки.

— — Я только вот собралась вам суп варить, кастрюлю достала, воды налила и хотела её на плитку ставить, чтобы вода закипела а потом туда тушеники и риса добавить. Как чувствую что на меня кто — то стоит сзади смотрит. У меня прямо душа в пятки ушла, ведь в дом никто не мог зайти, потому что я сразу за вами как вы ушли утром, терраску на засов закрыла. Оборачиваюсь а в дверях дед стоит, седой весь в телогрейке какой — то старинной, в валенках и смотрит на меня в упор а взгляд у него не добрый. Я руку в карман сунула за пистолетом а он оказывается у меня под подушкой лежит, утром как встала и забыла его взять...

— мать прервала свой рассказ, чтобы выпить водки которую принес ей Пашка с терраски и выпив водку как воду не закусывая продолжила.

— — Он стоит то на меня смотрит то на стол где кастрюля находилась и банка тушеники с рисом. И спрашивает, хозяйка у тебя хлеба не найдется? Причем голос такой хриплый, словно простуженный. А хлеба сами знаете у нас нет, кончился вчера а Ольга еще не приезжала из Орла с продуктами. Я ему машинально со стола банку тушеники даю, он взял её посмотрел на этикетку и говорит. — — Богато живёте... И как то недобро усмехнулся а я руку на стол протянула чтобы ему пачку сигарет еще дать, подумала может бомж какой, надо ему закурить предложить? Как дед этот исчез, словно растворился в воздухе. Я на терраску вышла посмотрела на дверь а она на засове изнутри закрыта и ко мне никто не мог войти. Прямо на терраске от страха описалась и бегом в комнату, достала "шмайссер" из под дивана и сидела с ним до вашего прихода.

— Надя, закурила новую сигарету и руки у моей матери тряслись от страха. А я подумал, что чтобы напугать эту отъявленную преступницу, правнучку цыгана — конокрада которая никого не боялась, нужно хор ошо постараться. Да и вряд ли мать испугалась бы обычного бомжа. Врезала бы ему пару раз, за ней не застоялось. Нет, тут что — то не то и руки у нее трясутся от испуга.

— — Если дверь на терраске была закрыта, то как этот дед мог к тебе в комнату войти? Ты не заболела случайно дорогая?

- спросил Пашка у своей гражданской жены, подошел к ней и потрогал у моей матери ладонью лоб, с намеком что она больная на голову. И тут же получил от Нади нехилую затреину, что в миг от неё отлетел к печке.
- — Вы что меня за идиотку считаете? Паш ты мне по моей просьбе банку тушеники доставал из под пола?
- строго спросила Надя, своего муженька потирающего шею возле печки. Рука у моей матери тяжёлая.
- — Да Надь доставал, ты же меня сама за неё утром посыпала.
- сказал Пашка, боязливо просматривая на свою хулиганистую жену. Надя умела и приласкать когда нужно и отвесить хороших люлей своему мужу за непослушание.
- — Ну раз доставал то тогда где она? Я что её сама съела?
- моя мать вопросительно смотрела на нас с Пашкой а я не понимал куда делась банка тушеники со стола в комнате? Ведь я утром сам видел как мой армейский кореш, её достал из подвала под домом, где хранились у нас припасы и поставил банку на стол. Надя в одиночку съесть её не могла да и не любила моя мать жирную пищу, берегла фигуру. Материлизоваться в другое измерение, наша тушеника тоже не могла и я оставил "молодых" выеснять отношения, кто из них "больной" на голову а кто нет? Вышел на улицу и обошел дом вокруг, в надежде найти след таинственного деда до смерти напугавшего мою мать. Но кроме звериных тропок, человеческих следов вблизи нашего дома не наблюдалось и я было хотел вернуться домой к матери и Пашке. Как ноги сами понесли меня в лес, как тогда на колокольню где я нашел немецкое оружие. Так и сейчас словно кто – то неведомый тянул меня от дома в лес. И сразу через дорогу разделяющую край деревни от леса, заметенную в это время снегом, я четко увидел след от валенок, который прямой стежкой вел в глубь чащи.

То что это был след от валенок причем без калош, я определил безошибочно, так как в армии на Урале где морозы зимой доходили до сорока градусов. Нам в карауле выдавали овчинные полуушубки, шапки ушанки и валенки без калош. Потому что валенки были огромные и на них ни какие калоши бы не полезли. След от валенок был свежий и вел от опушки в глубь березовой рощи и я ведомый любопытством, пошел по этому следу. Но шел недолго и вскоре вышел по нему на место где был старый разрушенный блиндаж. Хотя сейчас его остатки засыпало снегом, но это место я хорошо запомнил ещё осенью, когда ходил вокруг с металлоискателем. Возле блиндажа стояла большая береза, с расщепленным молнией стволом и рядом ветвистый дуб, росший еще наверное в те времена когда тут шли бои с немцами.

Но что меня удивило и одновременно напугало, так это то что след от валенок прерывался прямо по центру находящегося под снегом блиндажа. Ни ям ни нор рядом не было а

создавалось такое впечатление, словно идущий на этом месте исчез или улетел на вертолете? Другого объяснения этому я не мог придумать, и мне стало не по себе да и тишина вокруг стояла гробовая. Если в остальном лесу и шла тихо зимняя жизнь, стучал дятел по стволу дерева, трещали сороки кем то напуганные, то вокруг разрушенного блиндажа было зловеще тихо. Моя рука сама собой потянулась за телефоном, который лежал у меня в боковом кармане бушлата, я хотел сфотографировать странный след в никуда. Но телефона на месте не было, я вспомнил что утром уходя на рыбалку я его поставил на зарядку и он лежал на подоконнике. Мне ничего не оставалось делать как сбегать в дом за телефоном, благо было недалеко и еще не стемнело и сфотографировать, странный след от валенок, ведущий в никуда.

Как вдруг с неба посыпал снег, да такой сильный густой что я не видел вытянутой руки, снегопад продолжался несколько минут а затем внезапно стих, так же как и начался. Небо надо мной было чистым, ни облачка. Не могла же снеговая туча так стремительно исчезнуть? Подумал я смотря на очертания старого блиндажа под снегом, следа от валенок уже не было видно, начавшийся внезапно снег, надежно скрыл следы таинственного гостя посетившего наш дом. Вечерело и мне как то стало не по себе в районе разрушенного в годы войны блиндажа и я ясно спиной ощущил на себе чей то пристальный недобрый взгляд. Но оборачиваться не стал а бегом помчался сквозь мелкий орешник к дому до того страшно мне стало. Отдышался только на опушке, когда увидел крышу нашей дачи и только тогда оглянулся на лес. А он стоял белый усыпанный снегом, в воздухе висел белесый туман и где то в глубине леса возле старого блиндажа, ходил призрак. То что это был он, я уже не сомневался, следы ведущие в никуда, слова моей матери о внезапно появившемся в доме у неё за спиной седом деде и снегопад, который пошел именно тогда, когда я увидел таинственные следы на снегу и хотел их сфотографировать.

Если раньше я скептически относился к историям или рассказам "черных" и "белых" копателей с мест былых боев. О том что один из парней, слышал в лесу где велись раскопки, немецкую речь, команды на немецком языке. Другая девчонка из нашей группы в "Долине Смерти" под Псковом, видела вечером красноармейца, который показал ей где нужно искать останки его товарищей погибших в бою, а потом исчез в воздухе, словно тень. Теперь увидев странные следы и сопоставив их с рассказом перепуганной не шутку Нади я поверил в сверхъестественное. Но решил не говорить матери и Пашке про следы от валенок, увиденные мною в лесу, чтобы еще больше не пугать их. А когда на следующий день приехала Ольга Владимировна, привезя нам продукты из города на своём снегоходе. Я на полном серьёзе попросил свою возлюбленную, привезти в следующий раз с собой, церковные иконы. И рассказал ей зачем они нам нужны и что произошло у нас в доме накануне а так же про таинственные следы в лесу.

— Вы ему что — нибудь дали или нет?

— голос нашей атаманши был тревожным, к моему удивлению, она всерьез восприняла мой рассказ про седого деда напугавшего Надю. Моей матери с Пашкой в это время не было дома, ушли гулять на реку и заодно проверить "жерлицы" с "косынками";

которые мы поставили с ее мужем в лунки на льду реки.

— Он хлеба спросил у матери а она ему взамен банку тушеники дала, после чего этот дед исчез, словно сквозь стену прошел. Дверь то на терраске закрыта была на засов изнутри.

— ответил я Ольге и увидел как её было встревоженное лицо, моим рассказом про таинственного деда, просветлилось и наша атаманша заулыбалась.

— Ну тогда все хорошо и нам в скором времени удача будет милый!

— закурив сигарету, Ольга сидя вместе со мной за столом в комнате, рассказала историю времен ВОВ.

— Зимой сорок второго года, немцы в этом лесу, серьезно прижали местных партизан, заблокировали их отряд лишив возможности, получать продовольствие из окрестных деревень. У них начался голод и много партизан в ту зиму погибло от голода. А один из партизан, решился пойти сюда в деревню за едой, так его немцы поймали и повесили. Так и видно ходит его дух, просит еды. Его тут до вас еще в советское время, бабки видели. И существует поверье, что если дать этому призраку партизана что то из еды, то дающему будет удача в жизни. А если не дать то жди вскоре беды.

— Ольга Владимировна затушила окурок сигареты в самодельной пепельнице из под банки "кильки в томате" стоящей на столе и положив свою холеную белую ладонь, поверх моей, сказала возбужденным голосом.

— Вы завтра все пойдете на "дело" про которое я вам говорила, "дело" очень серьезное и решающие. Нападете на почту в пригороде Орла, туда инкассаторы деньги привезут, много денег и их нужно будет у них отнять. А призрак партизана как раз вовремя к вам явился за хлебом. Это к удаче милый, мы будем богатые и уедем с тобой в Голландию.

— Ольга сжала мне руку а у меня от её слов про инкассаторов, противно засосало под ложечкой. Ведь они просто так деньги не отдадут и нужно будет по ним стрелять и возможно убить кого – то из них?